

ПОНКРАТИЙ

Отец, услышь мое моление,
быть может, я в последний раз
в молитве возношу прошение,
в жестокий свой предсмертный час.
Я смертной муки не боюсь,
ведь я, Творец, к Тебе стремлюсь.
Всегда, идя со мною рядом,
я под Твоим великим взглядом
в любви небесной возрастал,
и вот теперь, мой час настал.
За Слово истины высокой,
не может враг никак понять,
что мне не страшно умирать,
пусть даже смертью и жестокой.
Но вот молитву возношу,
открывши боль души своей,
Творец, о матери прошу:
о, помоги несчастной ей,
Ведь у нее здесь один
единственный, любимый сын,
храни ее, Отец мой вечный,
Своей любовью бесконечной,
Её Тебе я отдаю,
в Твои Божественные руки,
о, дай ей силы, я молю,
в последний час мой смертной муки.

Сейчас, склонив свои колени,
я пред лицом Твоим молюсь,
а завтра утром, на арене,
к престолу славы вознесусь.
И в сердце радостью объят;
еще чуть-чуть, еще немного
и я взлечу в небесный град,
и буду жить с Тобою, с Богом.

Ночная спящая столица,
великий город - город Рим,
где глубоко, в сырой темнице,
молился вольный неба сын.

Ночная летняя прохлада
укрыла все своей росой
и тихо, спящая отрада,
дарила сладостный покой.
Молитвой сердце укрепив,
спокойно спал страдалец юный.

И луч в окно проникнув лунный
его собою осветил:

В нем все дышало красотой,
в чертах небесного лица
в предсмертный час он был спокоен,
как сын великого Творца.

Таких, как он, в тот час немало
за Бога свято умирало,
чтоб средь языческих держав

любовь Христа торжествовала.
И кровь Божественных детей
арены Рима обогрела,
но всё сильнее, среди скорбей,
живая вера возрастала.

Вот ночи время пролетело,
и дверь тоскливо заскрипела,
и стража выполнять указ
идет. И он в последний раз
по римским улицам шагает,
и с болью в сердце вспоминает:
О сколько же его друзей
дорогой этой прошагали
и после, свято умирали
от жутких пыток палачей.
Но тут, дорогу преграждая,
к арене не успев дойти,
он взгляд знакомых глаз встречает,
почти в конце всего пути.
Как сразу руки ослабели,
как в сердце заболела рана,
губами слышно еле-еле,
он прошептал с тоскою: мама.
И сразу сердце с болью сжалось
от муки дикой, неземной,
во взгляде просьба, вдруг, прорвалась
невыразимую мольбой:

Не надо, мамочка, ты слышишь?
Меня ведут же убивать,
ведь ты с трудом от боли дышишь,
Зачем тебе сильнее страдать?
Сейчас откроют клеток двери,
как в муке будешь ты взирать,
когда меня на части звери
клыками будут раздирать!
О, пожалей себя, родная,
молю уйди, не мучь себя,
как страшна мука эта злая,
уйди же, мать, прошу тебя!..
Но материнский взгляд глубокий
сказал с любовью неземной:
Сынок, я здесь не одинока,
со мною Бог, Отец Святой.
Ты прав, жестока эта мука,
но наш Господь страдал сильнее.
Иди, пусть краткая разлука
приблизит нас к Царю царей.

О, христианское терпенье,
как силен Бог твой в небесах,
Не знают, что такое страх
твои наследники спасенья.
Пред всем народом воин веры,
(какой он все же молодой),
последний вздох, прыжок пантеры.

Все, что мы делаем, делаем для нашего Бога!

И льется кровь его струей.
Закрылись юные глаза,
венец страдания приемля,
и материнская слеза
упала на сырую землю.

Года летят, летят стрелой,
как быстро время пробегает.
И мы, идя земной тропой,
следы кровавые встречаем.
Они всё время там лежат,
их толща времени не скроет,
Они о многом говорят,
все воды мира их не смоют.
Быть может, каждого из нас
страданья в мире также ждут,
но Тот, Кто нас однажды спас
благословит земной наш труд.
Пусть будет горе, пусть мученья
и испытанья впереди,
но мы идем в страну спасенья
в надежде, вере и любви.